

Закрепить нельзя разрешить

Людмила ИГНАТОВЕЦ,
кандидат исторических наук

Российская империя вступила в XX век с рядом нерешенных проблем, свидетельствовавших о кризисе существовавшей общественно-политической системы и необходимости перемен. Одним из злободневных был вопрос свободы вероисповедания, который к концу XIX – началу XX века обострился в западных губерниях государства, отличавшихся религиозно-этническим многообразием. Это было обусловлено главным образом тем, что религиозное законодательство империи не соответствовало духу времени.

В западных странах проблема свободы совести и свободы вероисповедания была успешно решена в конце XVIII – XIX веках. Так, Поправка I к Конституции Северо-Американских Соединенных Штатов, ратифицированная 15 декабря 1791 года («Билль о правах»), провозглашала: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии либо запрещающего свободное ее исповедание, либо ограничивающего свободу слова или печати, или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб» [1]. Устанавливая принцип совершенного отделения Церкви от государства и полной свободы и самостоятельности религиозных общин, страна предоставляла своим гражданам право выбирать религию по их собственному усмотрению. Государство не делало различий между церквями или другими религиоз-

ными обществами, давало им возможность преследовать свои цели всеми находящимися в распоряжении граждан средствами в рамках государственных законов и принципов общечеловеческой нравственности [2, с. 440].

Во Франции принцип свободы совести был впервые провозглашен в статье 10 Декларации прав человека и гражданина 1789 года, в которой речь шла о том, что «никто не должен быть беспокоим за свои мнения, хотя бы религиозные, если только обнаружение их не нарушает общественного порядка, установленного Законом» [3].

В середине XIX века

В середине XIX века принципы свободы совести и отделения Церкви от государства были закреплены во всех германских государствах. Все вероисповедания и религиозные секты, разрешенные государством, находились в равном положении и в равной степени пользовались покровительством законов. Принадлежность гражданина к тому или другому религиозному обществу не давала ему никаких выгод в государственном смысле, а также не влекла никаких невыгодных последствий для его гражданских прав. Переход из одного вероисповедания в другое был совершенно свободен с государственной точки зрения, но при этом запрещалось привлекать в другое вероиспове-

ОБ АВТОРЕ

ИГНАТОВЕЦ Людмила Михайловна.

Родилась в д. Ополь Ивановского района Брестской области.

Окончила Белорусский государственный университет (2007), магистратуру (2009), аспирантуру БГУ (2012).

С 2007 года работает в Институте теологии имени святых Мефодия и Кирилла БГУ, с 2014 года – начальник учебно-методического отдела, доцент кафедры богословия этого института.

Кандидат исторических наук (2013).

Автор 9 научных работ.

Сфера научных интересов: история образования и просвещения на белорусских землях в первой половине XIX века, история православия на белорусских землях.

дание принуждением или проясками [4, с. 269–270].

Установив паритетные отношения с церковными институтами, западноевропейские государства все же закрепили за собой некоторые прерогативы: 1) государство имело право разрешать или запрещать какое-либо исповедание, определять его государственное значение; 2) защита государства могла быть или индифферентной, или благоволительной; 3) государство имело право на оценку всех должностных действий и мероприятий духовенства с государственной и общественной точки зрения и принятие мер к ограждению государства и общества от злоупотреблений свободой вероисповедания [4, с. 271–273].

В Российской империи законодательство, регулировавшее религиозные вопросы, базировалось на иерархичности вероисповеданий. Православная церковь имела правовой статус первенствующей и господствующей. Из всех вероисповеданий Российской империи в пределах государства только она одна могла убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев принять ее учения о вере. Такое правовое положение делало ее государственной и привилегированной. Все остальные признанные законом христианские и нехристианские конфессии имели статус «терпимых». Правовая ранжированность терпимых конфессий зависела от того, в какой степени их вероучение было близко к православному. Совращение и отступление человека от православия в иные инославные и иноверные вероисповедания предусматривало уголовное наказание [2, с. 469–470]. В то же время переход из любого инославного или иноверного вероисповедания в православие был беспрепятственным и поощрялся. Принадлежность к неправославной конфессии законодательно допускалась только по факту рождения в семье, где никто из супругов не был православным.

Таким образом, законодательство Российской империи начала XX века в значительной степени ограничивало право на свободу вероисповедания. Вопрос о

◀ Декларация прав человека и гражданина 1789 года

религиозной свободе был предметом активного обсуждения в различных кругах российского общества. На эту проблему существовало, по крайней мере, три точки зрения. Одна из них, которой придерживались консервативно настроенные представители государства и Православной церкви, вообще отрицала наличие каких-либо стеснений в вопросах веры. Ее сторонники высказывали мнение о необходимости сохранения существующих государственно-церковных отношений, определяя их как «симфонию», необходимую для поддержания стабильности в государстве и гармонии в обществе. В связи с этим показательно высказывание оберпрокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева, который еще в 1888 году в ответ на просьбу евангельского Союза к императору «разрешить религиозную свободу» заявил, что в России, как нигде, различные исповедания пользуются широкой свободой, а законы, ограждающие господствующее в России исповедание, необходимы, так как это «важнейший исторический долг России, потребность жизни ее» [5].

Приверженцами этой точки зрения были представители крайних политических сил – черносотенцы, национали-

Обер-прокурор
Святейшего синода
К.П. Победоносцев

сты. Например, «Московские ведомости» утверждали, что Церковь «пожертвовала собой», согласившись на установление государством рамок твердого социально-политического строя, основанного на союзе с нею, и «желать прекращения у нас союза государства с Церковью, это желать страшной по своим последствиям революции». Известный идеолог черносотенства протоиерей А. Восторгов, отрицавший в принципе права «иностранцев» на вероисповедную свободу, писал: «Сознание простой пользы государственной должно подсказать нам, как опасно, как губительно усиливать море мусульманства, как опасно иметь коснеющих в язычестве подданных, которые не связаны с государством и господствующей народностью никакими духовными связями» [5].

«Свобода в деле вероисповедания», утверждал К.П. Победоносцев, приведет к тому, что «враги наши отхватят у нас массы русских людей и сделают их немцами, католиками, магометанами и прочим – и мы потеряем их навсегда для церкви и для отечества» [6, с. 99].

Вторая точка зрения на проблему свободы совести и вероисповедания, которой придерживались преимущественно либеральные православное духовенство и религиозная интеллигенция, признавала и осуждала существующие стеснения в вопросах веры по отношению к инославным и иноверным подданным со стороны государства. В то же время подчеркивалась сложность положения Православной церкви в отношениях с государством, так как она была инкорпорирована в государственную структуру, подчинялась политике государства и была, таким образом, несвободна в своих действиях, даже внутрицерковных. Сторонники этой точки зрения придерживались мнения о необходимости расширения религиозных свобод для всех подданных Российской империи, но после того как будут проведены соответствующие реформы внутри Православной церкви, в первую очередь освобождение ее от довлеющей опеки государства и восстановление патриаршества. В противном

случае дарование религиозных свобод и признание свободы совести, по их мнению, имело бы катастрофические последствия для Православной церкви, которая на протяжении почти двух веков использовалась государством как один из инструментов принуждения к повиновению многомиллионного населения Российской империи. Поэтому одномоментное дарование свободы вероисповедания способствовало бы отходу значительной части номинальных православных верующих от Православной церкви и обращению их в другие вероисповедания. Ввиду этого любые изменения в сфере конфессиональной политики, по мнению сторонников этой точки зрения, необходимо проводить поступательно и без ущемления интересов Православной церкви с тем, чтобы не нарушить религиозно-этническую стабильность в империи [7].

Третью точку зрения исповедовали представители социал-демократического движения, либеральных кругов, «покровительствуемых» конфессий, «терпимых» и «гонимых» религий. Они заявляли об отсутствии в России свободы совести, о государственном насилии над убеждениями российских подданных. В этой связи характерно мнение российского историка и политического деятеля С. Мельгунова: «Одною из крупных аномалий в русской общественной жизни является посягательство со стороны государства на свободу совести, вторжение его в интимную область религиозных убеждений и попытка установить крепостное состояние в вопросах вероисповедания... Политика, устраняющая искренность и правдивость в церковно-государственной жизни, неминуемо создает сложную систему лжи, притворства и лицемерного, чисто внешнего послушания, к которому в силу необходимости прибегают люди, юридически числящиеся сынами господствующей церкви, фактически же принадлежащие к какой-либо секте».

С. Мельгунов недоумевает: «Неужели нельзя сознать, что на души подданных государство не может влиять, что факты, касающиеся внутренней совести гражд-

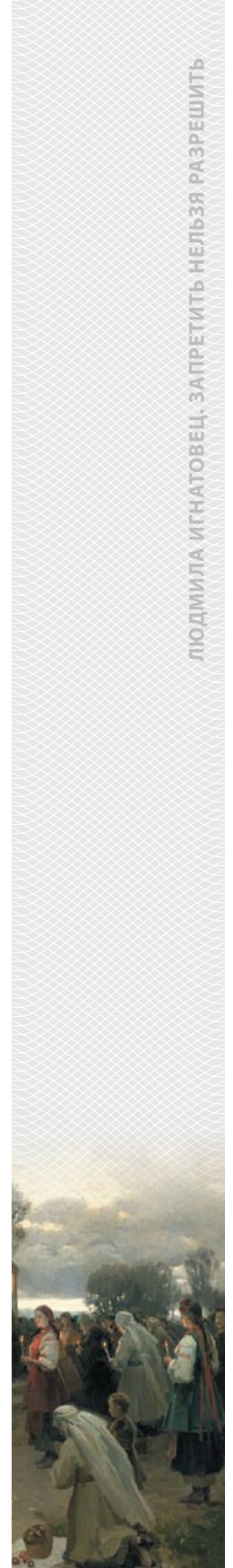
данина, не доступны по существу государственному воздействию, и что власть, стремящаяся духовно-нравственную пропаганду вероучения заменить репрессивными мероприятиями, обрекает себя на непосильную борьбу... Неужели еще в XX веке нужна борьба во имя идей веротерпимости, – борьба, стоившая уже стольких жертв, «обагрившая кровью столько плах и зажегшая столько костров»? Веками «царили религиозное принуждение и гнет», веками «приносились изобильные» человеческие жертвы на алтарь религиозной нетерпимости», и неужели еще не получила окончательно признания истина, так просто выраженная сподвижником патриарха Никона, тишайшим царем Алексеем: «Никого силой не заставишь Богу веровати»? [8, с. 25–29].

Таким образом, проблема свободы совести и свободы вероисповедания с особенной остротой актуализировалась в Российской империи в начале XX века. В западных губерниях, отличавшихся религиозно-этническим многообразием, вопрос о свободе вероисповедания стоял особенно остро в связи с наличием большого числа «упорствующих в латинстве». К ним относились униаты, массово присоединенные к православию по решению Полоцкого собора 1839 года, и католики, обращенные в православие после подавления восстания 1863–1864 годов. Пополнение числа православных происходило и под влиянием внешних факторов: обещание материальных выгод для крестьян (ходили слухи о даровании одной десятины земли), шантажа местной интеллигенции (отстранение от занимаемой должности в случае отказа совершить переход в православие), использование жандармов и военных. Так, например, в Ляховичской волости Слуцкого уезда благодаря действиям местного священника, пользовавшегося содействием квартировавших гусар 14-го Митавского полка, присоединенные были приведены к исповеди и святому причастию в Православной церкви, после чего беспрекословно исполняли обряды православной веры. И это, по-

жалуй, единственный пример «удовлетворительных результатов» такого присоединения [9, л. 65–70].

В большинстве случаев присоединенные по приходским спискам только числились православными. Они отказывались участвовать в православных таинствах и исполнять православные обряды, но при этом не могли присоединиться к Римско-католической церкви, так как это было законодательно запрещено. В результате неподчинения канонической дисциплине Православной церкви «упорствующие» теряли ряд гражданских прав: их «браки», не венчанные по православному обряду, считались незаконными – это было просто сожительство; дети, рожденные в таких «браках», были незаконнорожденными (их не записывали в церковно-приходских книгах); эти обстоятельства, в свою очередь, влекли за собой проблемы с наследованием имущества и т.д. Католические священники под угрозой наказания не могли принимать «упорствующих» для участия в таинствах и обрядах своей Церкви, и они оказывались религиозными аутсайдерами. Естественно, что такое бесправное положение их не устраивало, что нашло выражение в определенных волнениях. Так, например, крестьяне одной из волостей Слуцкого уезда ворвались в волостное управление в надежде уничтожить документы, фиксирующие их принадлежность к Православной церкви, и избили старшину и писаря. Для их усмирения потребовалось 30 казаков. В 1894 году при вступлении Николая II на престол эти же крестьяне отказались принять верноподданническую присягу у православного священника, забросав его грязью и оскорбив [9, л. 64].

Слуцкий уездный исправник в своем отчете минскому губернатору в 1903 году сочувственно констатировал, что «духовное положение «упорствующих» представляется крайне безотрадным... Старики умирают без исповеди, погребаются без священника и без совершения христианских обрядов, брачующиеся живут без таинства бракосочетания, а вместо того сами совершают какие-то венчания,

Минский губернатор
А.А. Мусин-Пушкин

чуть ли не в еврейских корчмах и затем приживают детей вне законного брака, которых не крестят, а только нарекают им имена, и вообще лишены всякого духовного призрения. В материальном же отношении, кроме неминуемой наследственной запутанности вследствие отсутствия метрик как о бракосочетании, так и о рождении, они подвергаются всевозможной эксплуатации как местных вожаков, так и приезжих, которые являясь то под видом адвокатов, то консисторских чиновников выманивают у них нередко весьма значительные деньги» [9, л. 64–70]. Подобная ситуация сложилась во многих уездах белорусско-литовских губерний.

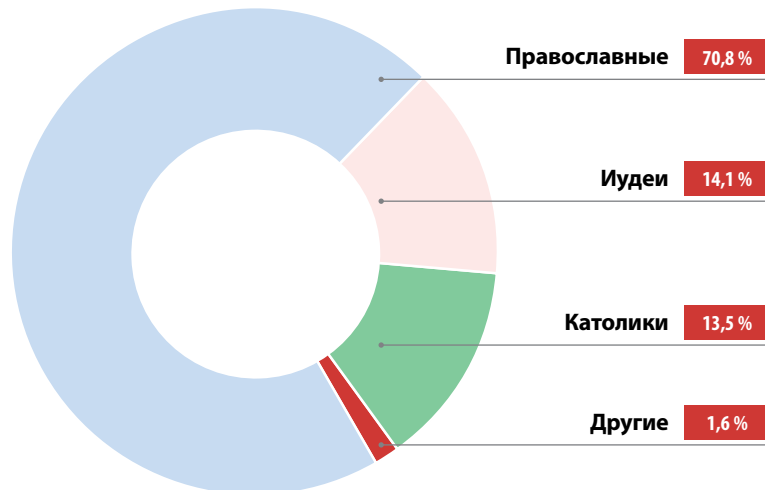
Все это свидетельствовало о необходимости и безотлагательности реформирования религиозной политики, и осознание этого уже созрело в умах высших государственных чиновников. В 1902 году минский губернатор А.А. Мусин-Пушкин писал в отчете императору Николаю II о бедственном положении вышеупомянутой категории верующих и считал «крайне нужным вопрос этот рассмотреть и установить в деле упорствующих какой-либо порядок». Николай II поручил министру внутренних дел В.К. Плеве выяснить причины возникновения религиозной проблемы и предложить способ ее решения. В апреле 1904 года министр подготовил доклад Николаю II, в котором сообщалось следующее: «Представ-

ленное графом Мусиным-Пушкиным современное положение «упорствующих» подтверждается имеющимися в министерстве внутренних дел сведениями по этому предмету... Явление это, впрочем, не единичное, и наблюдается во всех почти местностях западных окраин России, где коренное русское население, целыми веками непосредственно соприкасаясь с польским, не устояло перед сильным натиском латинского духовенства и польской культуры... Не подлежит сомнению, что исследование положения хотя бы столь незначительной группы упорствующих в Минской губернии не только вызвало бы брожение в их среде, но и не замедлило бы отозваться новой вспышкой присмирившей пока пропаганды среди колеблющейся 100-тысячной массы бывших униатов Привисленского края, где лишь недавно успели стихнуть последние отголоски печальных народных волнений 1897 г.».

В своем докладе Плеве предлагал императору, сохраняя общее направление политики, инициированной в Северо-Западном крае генерал-губернатором М.Н. Муравьевым, не прибегать к мерам административного давления на «упорствующих», а предоставить решение этой проблемы «испытанным борцам за православие и русскую народность», т.е. православному духовенству и светским учителям [10, с. 226]. Время показало, что такой подход в разрешении столь

► Конфессиональный состав населения белорусских земель по данным переписи 1897 г.

Источник: Латышева, В.А. Переписи населения 1897 и 1926 гг.: признаки национального самоопределения белорусов / В.А. Латышева // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. – Вып. 5 / Рэдкал. У. Н. Сідароў (адк. рэд.), С.М. Ходзін (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2009. – С. 134–142.

острой для западных губерний проблемы был малоэффективен. Православное духовенство, как видно на примере отчета Слуцкого уездного исправника, не везде пользовалось уважением местного населения, поэтому предложение министра внутренних дел продолжать делать на него ставку в разрешении религиозной проблемы в западных губерниях было не вполне обоснованным. Познакомившись с докладом, император 22 апреля 1904 года поручил В.К. Плеве поставить в известность минского губернатора, что «принятие каких-либо мер в отношении современного положения «упорствующих» в латинстве не благовременно» [9, л. 7].

Однако уже 17 апреля 1905 года в условиях революционной ситуации в стране (требование политических прав и свобод) Николай II подписал указ «Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости». Первый пункт этого указа гласил: «Признать, что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало» [11, с. 38].

Десяткам тысяч «упорствующих в латинстве», проживавших на белорусских землях в начале XX века, этот указ даровал свободу исповедовать ту веру, к которой «лежала душа». С отпадением «упорствующих» (по разным сведениям, в последующие несколько лет после издания указа из православия в католичество ушло от 55 до 62 тыс. человек) Православная церковь не только не понесла большого урона, но и избавилась от серьезного источника религиозного недовольства. Вместе с тем юридическая непроработанность указа дала повод католическим священникам активно заниматься прозелитизмом, используя в том числе и нравственно не оправданные

методы. Это повлекло за собой обострение межконфессиональных отношений на белорусских землях, что отражалось в первую очередь на семейном благополучии смешанных браков.

Таким образом, религиозная политика в Российской империи в начале XX века характеризовалась инертностью и нежеланием правительства предоставлять своим подданным свободу вероисповедания, которой население западных стран к тому времени пользовалось уже более столетия. Только революционная ситуация 1905 года вынудила царское правительство пойти на определенные уступки в этом вопросе. Религиозная политика Российской империи, которая зиждилась на принципе веротерпимости и чрезмерной опеке Православной церкви, имела своим следствием религиозную индифферентность определенной части населения. Она и стала благоприятной почвой для появления атеизма, который после 1917 года приобрел воинствующий характер и не терпел уже никакой религии. ┘

Российский император
Николай II

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Соединенных Штатов Америки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm>. – Дата доступа: 12.10.2016.
2. Суворов, Н.С. Учебник церковного права / Н.С. Суворов; Под ред. и с предисл.: Томсинов В.А. – М.: Зерцало, 2004.
3. Декларация прав человека и гражданина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Декларация_прав_человека_и_гражданина. – Дата доступа: 01.10.2016.
4. Бердников, И.С. Краткий курс церковного права Православной Греко-российской Церкви, составленный профессором И.С. Бердниковым / И.С. Бердников. – Казань: Тип. Имп. Уч-та, 1888.
5. Одинцов, М.И. Вероисповедные реформы в Государственной думе (1906–1917 гг.): надежды, дискуссии и исторические уроки / М.И. Одинцов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-199/>. – Дата доступа: 23.09.2016.
6. Полунов, А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III / А.Ю. Полунов. – М.: АИРО-XX, 1996.
7. Cunningham, James W. A vanquished hope, the movement for church renewal in Russia, 1905–1906 / James W. Cunningham. – New York: St. Vladimir's seminary press, 1981.
8. Мельгунов, С.П. Церковь и государство в России / С.П. Мельгунов. – М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1907.
9. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 295. – Оп.1. – Д. 7292.
10. Бендин, А.Ю. Религиозно-этнические проблемы интерпретации указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. в Северо-Западном крае Российской империи / А.Ю. Бендин // Исторические записки / Отд. ист.-филол. наук РАН. – Вып. 11 (129); сост. и отв. ред. Б.В. Ананьич. – М.: Наука, 2008. – С. 218–258.
11. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 / Под ред. Н.И. Лазаревского. – СПб.: Изд. юридич. книжн. склада «Право», 1909.